

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИИ: МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ПОСУДА РУССКИХ РЕМЕСЛЕННИКОВ В ОБРЯДАХ ОБСКИХ УГРОВ

Статья посвящена использованию иноэтничных атрибутов в традиционных культурах коренных народов севера Западной Сибири. В качестве источника выступают изделия русских ремесленников XVIII–XIX вв.: серебряные и медные блюда в основном с охотничьими сценами, изготовленные для нужд инородцев. Рассматриваются варианты их использования в обрядовой практике обских угров. Дана характеристика и атрибуция изделий. Использование русской металлической посуды рассматривается в контексте длительной культурной традиции: бытования в религиозно-обрядовой практике хантов и манси иноэтничных (произведенных в Иране, Средней Азии, Волжской Булгарии, Прикамье и др.) металлических сосудов.

Ключевые слова: *Тобольск, мастерские, серебро, блюда, ханты, манси, традиция, святилища, обряды.*

Введение

На протяжении XIX–XX вв. в домашних и поселковых святилищах манси и хантов было обнаружено немало серебряных, медных и жестяных блюд российского производства*. Это явление отражало существующую издавна традицию использования в обрядах серебряных сосудов.

Религиозно-мифологические представления обских угров на протяжении II тыс. н.э. во многом транслировались посредством обрядовой практики. Ее стержнем являлась культовая атрибутика, в которой выделялись изделия из металла. Определяющее

значение при этом играли иноэтничные атрибуты: серебряные сосуды из Ирана и Средней Азии, поступившие в Сибирь в IX–XII вв., сформировали традицию использования в обрядах обских угров изделий из священного (серебряного) металла. Уникальные образцы восточной торевтики оказались в центре ритуальной практики, а представленные на них сюжеты внесли лепту в развитие мифологических представлений и иконографии обских угров [Чернецов, 1947; Бауло, 1999].

В IX–XIV вв. в торговые связи с жителями Приобья вступили купцы Прикамья и Волжской Булгарии. Их продукция продолжила традицию продвижения на север восточного серебра; новшеством стало изготовление серебряной утвари с учетом запросов северян. После распада Волжской Булгарии в XIII в. художественное серебро практически не поступало на север Сибири. Его поставки возобновились с вхождением вогулов и остяков в состав Российского государства. При изготовлении серебряной и медной утвари для северян русские ремесленники ориентировались на более ранние образцы Ирана, Средней Азии, Волжской Булгарии. Большие иранские или болгарские блюда

*Материал для статьи собран в 1984–2009 гг. в следующих поселках: Ясунт, Щекурья, Хошлог, Хурумпауль, Ломбовож (бассейн р. Ляпин, манси), Яны-пауль, Халпауль, Няксимволь, Усть-Тапсуй, Хулимсунт, Верхнее Нильдино, Нижнее Нильдино (бассейн р. Северная Сосьва, манси), Тутлейм, Теги, Юхан-курт (ханты) Березовского р-на ХМАО-Югры; Ишвары, Анжигорт, Нимвожгорт, Ямгорт, Ханты-Мужи, Шурышкары (ханты) Шурышкарского р-на ЯНАО; Зеленый Яр (ненцы, ханты) Приуральского р-на ЯНАО.

из серебра сменились штампованными тарелками, серебряными и медными блюдами с изображениями всадников, животных и охотничьих сцен. Сохранение традиции во многом определялось заказом со стороны вогулов и остяков.

О русских блюдах в обрядах обских угров упоминали С. Мельников [1852], О. Финш и А. Брэм [1882], Н.Л. Гондатти [1888], А. Каннисто [Kannisto, 1958], В.Н. Чернецов [1947], И.Н. Гемуев и А.М. Сагалаев [1986]. Специальная статья о металлических блюдах принадлежит Н.Ф. Прытковой [1949]. Большой круг источников введен в научный оборот И.Н. Гемуевым [1990] и А.В. Бауло [2009].

Блюда в обрядах манси и хантов

Металлические блюда в обрядовой практике манси и хантов использовались для оформления фигур духов-покровителей; в качестве сосуда для жертвенной крови или пищи; как подношение божествам с магической целью; как атрибут медвежьего праздника.

Оформление фигур божеств. Блюда могли быть основой фигуры божества, изготовленной из халатов или рубаш, или ее лицом, подчеркивая священный образ духа-покровителя. По мнению С.В. Иванова, обозначение лиц духов с помощью серебряных блюд или медных пуговиц объясняется желанием народов

севера Сибири сделать деревянные изображения похожими на металлические [1970, с. 62].

«Лицо» божества. В конце XIX в. Й. Папай описал изображение «духа р. Полуй»: в юрте на почетном месте стояли два божка, туловища которых были выполнены из одежд, а лица представляли собой «оловянные тарелки» (см.: [Карьялайнен, 1995, с. 25]). На мансийском святилище *Чохрын-ойки* – «Стрекозы-старика» в окрестностях пос. Усть-Тапсу в берестяном теске находились антропоморфные фигуры *Торум-ойки* – «Божка-старика» и его жены, лица которых были обозначены медными блюдами с прочеканенными изображениями Св. Георгия на коне [Гемуев, Бауло, 1999, с. 54–57].

Антропоморфные фигуры *Няйс-талях-ойка-ныга* – «Сына мужчины с вершины реки Няйс» и *Хангласам-най-эква* – «Богини огня из селения Хангласам» хранились у мансийского шамана Т.И. Номина. Туловище первой выполнено из платков, лицо обозначено серебряным блюдом, по краю которого изображены охотник, собака и бегущий олень. Блюдце было изготовлено в Тобольске в 1820-х гг. Оно покрыто толстым слоем жира – следами «угощения» божка. Священный облик богини подчеркнут большим медным блюдом (диаметр 12 см), прикрепленным желтыми лентами к туловищу. В середине блюда изображение оленя, по краям – охотника, натягивающего лук, и двух собак [Там же, с. 70–72] (рис. 1, а).



а



б

Рис. 1. Фигуры духов-покровителей, лица которых обозначены серебряными блюдами.
а – манси, бассейн р. Северная Сосьва; б – ханты, бассейн р. Полуй.

В пос. Ясунт фигура духа-покровителя манси Хозумовых была выполнена из нескольких халатов с завязанными в углах деньгой 1748 г., гривенником 1771 г., двумя пятаками 1755 и 1756 гг. Лицом служило латунное блюдо со сценой охоты. В этом же поселке в священном сундуке манси Пузиных хранилось блюдо из олова или низкопробного серебра (работа русских мастеров, рубеж XVIII–XIX вв.) с двумя поздними отверстиями по краю: некогда оно было пришито к фигуре семейного духа-покровителя в качестве лица. В Ямало-Ненецком окружном музейно-выставочном комплексе им. Шемановского хранится изображение божества хантов из пос. Зеленый Яр. Верхнее одеяние фигуры выполнено из золотистой парчи и обвязано широким красным поясом. Лицо обозначено московским серебряным блюдцем с изображением лабаза, напоминающего священные амбарчики обских угров (рис. 1, б).

Элемент образа, основа фигуры. В материалах штаб-лекаря В.Н. Шаврова (1826 г.) приведено описание фигуры *Мастер-лонга* – посланника «вышних богов» и «бога здравия» у северных хантов: «В переднем углу храма, посвященного *Лонгу*, стоит большой мешок, набитый туго разного рода рухлядью и весьма крепко завязанный; по середине мешка сего привязана тарелка дном к мешку, а углублением к наружной стороне; привязка сия представляет пояс, и этот то мешок есть сам *Лонг*» (цит. по: [Белявский, 1833, с. 97]).

В 1930-х гг. на мансийском священном месте *Йи-ныг-ойки* – «Филина-старика» около пос. Халпауль в амбарчике в куске шелковой ткани хранились две штампованные жестяные тарелочки, одна – с изображением джонки и японских вееров, другая – с портретом королевы Виктории (данная тарелочка, скорее всего, имела и портрет ее супруга Альберта, но он был скрыт куском ткани). По сведениям В.Н. Чернецова, тарелочки являлись изображениями духов-покровителей [Источники..., 1987, с. 206].

Медное блюдо выпуска 1832 г. с изображением бегущего оленя, охотника и двух собак было обнаружено И.Н. Гемуевым и А.М. Сагалаевым у ляпинских манси в святилище «бога войны» *Хонт-торума*. Оно лежало в амбарчике рядом с фигурой *Мир-сусне-хума* – «Мир озирающего человека». Два отверстия, пробитые по краю блюда, говорили о том, что ранее оно было к чему-то прикреплено, по мнению авторов – к «груди *Мир-сусне-хума*». Здесь же находилось посеребренное блюдо фабричного производства с растительным орнаментом на дне. По краю изделия пробиты два отверстия для крепления, видимо, к утерянному идолу [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 69–71].

В пос. Анжигорт у хантов Елескиных хранится фигура семейного духа-покровителя, сердцевинной головы которой является серебряное блюдо, изготовленное в Тобольске в 1820 г. На его лицевой стороне

изображен медведь. Фигура духа-покровителя хантов Лонгортовых из пос. Ямгорт выполнена из нескольких платков, ее сердцевинной является сверток, содержащий медное блюдо выпуска 1830-х гг. с изображениями оленя, охотника и двух собак, а также медный полый рог для табака. В этом же поселке в семье З.С. Куртямовой хранится фигура божества, основу которой составляет жестяное блюдо с портретами Альберта и Виктории, поверх которого надеты халаты.

Два блюда с изображениями оленя, двух собак и охотника с луком, имеющие по два отверстия для крепления, были обнаружены у манси в пос. Яны-пауль и на священной полке в доме в пос. Нижнее Нильдино [Гемуев, Бауло, 1999, с. 34, 147]. В пос. Хошлог у манси Меровых хранилось серебряное блюдо с изображением бегущей лошади. Край изделия пробит в четырех местах, сквозь отверстия пропущена суровая нить, на которую надето несколько медных колец. По-видимому, ранее блюдо было прикреплено к фигуре духа-покровителя в качестве лица.

Сосуд для жертвенной крови и пищи. По сведениям С. Мельникова (наиболее раннее сообщение об использовании русских блюдец в обрядах), в подобные сосуды наливали кровь принесенной в жертву лошади. Хозяин животного или шаман, взяв сосуд, подходил к идолам и, обмакнув палец в кровь, наносил ею по три черточки на каждом. Оставшуюся кровь шаман выпивал сам и давал пить присутствующим. Сосуд, который С. Мельников приобрел для Географического общества, был украшен изображениями оленя, лисицы, соболя и охотника с луком [Мельников, 1852, с. 29]. По сведениям Ю.И. Кушелевского, у остяков и самоедов при жертвоприношении у идола ставились маленькие (1,5 вершка в диаметре) металлические тарелочки с изображениями дьяволов, и в них наливали кровь из сердца жертвенного животного [1868, с. 113–114]. На священном месте васюганских остяков перед фигурой *Ортыни-най* на небольшом столике стояла «серебряная, на манер десертной, тарелочка, куда кладут свои подарки проезжающие и приходящие инородцы. Эта тарелочка исчерчена разными черточками и кружечками, непохожими, впрочем, ни на какие письмена или иероглифы» [Григоровский, 1884, с. 38]. В пос. Ямнель-пауль во время праздника, посвященного Серебряной бабе, вогулы ставили перед фигурой богини серебряные тарелочки с кровью и мясом [Носилов, 1904, с. 112–117].

Жертвенный дар. Блюда нередко подносили божествам с магическими целями. В отдельную группу можно выделить дары Небесному всаднику – *Мир-сусне-хуму*. В начале XX в. в Шайтанских юртах на Северной Сосьве А. Каннисто сфотографировал у вогулов блюдо, сделав пояснение: «Жертвенная тарелка, русского производства... закреплена на жертвенном платке, к которому привязано много медных колец.

Имеется изображение всадника Св. Георгия, борющегося с драконом. Вогулы объясняют это изображение как *Мир-сусне-хума*, который воспринимается как всадник...» (цит. по: [Vahter, 1953, S. 102–103]).

По материалам Н.Л. Гондатти, в шаманском камлании призывался *Мир-сусне-хум*: «...для его призывания чаще всего пользуются ночами, когда он совершает свой объезд вокруг земли... очень часто перед жилищем на это время предварительно ставится несколько серебряных или вообще металлических тарелочек для того, чтобы божий конь мог стоять не на голой земле или снегу» [1888, с. 12–13, 19]. Поскольку при этом на спину лошади возлагалось жертвенное покрывало с изображениями Небесного всадника, то в домашних святилищах манси и хантов металлические блюда нередко являются прикладом к покрывалам. В священном сундуке в доме П.Е. Шешкина в пос. Ломбовож хранились пять блюд – три серебряных и два медных. На первых изображены гербовый щит, скачущая лошадь, олень на фоне гор; на вторых – олень, охотник и две собаки. В пос. Верхнее Нильдино в доме К. Пакина вместе с покрывалами хранились серебряное блюдо с фигурой скачущего оленя и два медных: одно без рисунков, другое с клеймами З.К. и двумя выбитыми медалями [Гемуев, 1990, с. 76–77, 117–118]. К этой же группе относятся посеребренное блюдо с изображением оленя в центре и сценой охоты по краю (пос. Халпауль, Пеликовы); три серебряных: одно (Москва, 1830 г.) с аналогичным сюжетом (пос. Няк-символь, Дунаевы), другое (Тобольск, первая четверть XIX в.) с фигурой оленя (пос. Хулимсунт, Пуксиковы) [Гемуев, Бауло, 1999, с. 41, 52, 88], третье с изображением человека в лодке (пос. Хулимсунт, Пуксиковы); медные блюда с фигурами скачущего оленя, охотника и двух собак (пос. Ясунт, Хозумовы, Пузины). В домашнем святилище Гындыбиных в пос. Верхнее Нильдино прикладом к жертвенному покрывалу было жестяное блюдо с портретом Адама Мицкевича, сделанное в Одессе [Там же, с. 132].

У значительной части блюд в центре изображен олень. Возможно, дарение такого блюда могло имитировать древний обычай подносить и вкушать мясо жертвенного животного с металлической посудой [Чернецов, 1947, с. 120].

30 ноября 1869 г. в рапорте березовского окружного стряпчего тобольскому губернатору сообщалось: «...в августе сего года произошла кража от принадлежащего инородцам до 200 человек шайтана, находившегося от Тоупогольских юрт в 15 верстах, в горе, пустом месте, поселенцем Петерсоном... Имущество при шайтане заключалось в 5 тарелочках золотых величиной в чайное блюдо и менее, одной золотой чарке, серебряных тарелочках небольших в довольном количестве...» [И здесь..., 2003, с. 231–233].

В 1876 г. О. Финш и А. Брэм в остяцком святилище у пос. Веспугол на нижней Оби описали «связку... в виде мумии, обернутой в красное тряпье с лентами». «Связка» содержала жертвенные дары «восседающему на верху духу Орту», над ней были укреплены четыре металлические тарелки. На двух серебряных в центре располагалось изображение оленя, по краю – охотника и двух собак; были выбиты и даты производства – 1832 и 1833 гг. Две другие тарелки путешественники определили как оловянные «европейского происхождения», которые «повидимому, служили в Англии детскими игрушками. На обеих по краям была английская азбука, на одной сверх того поясной портрет Виктории и Альберта, а на другой Оскара и Жозефины, с подобающими надписями» [Финш, Брэм, 1882, с. 436–437]. Аналогичное жестяное блюдо, завернутое в красный платок, входило в состав атрибутов домашнего святилища Сайнаховых в пос. Щекурья. На его лицевой стороне прочеканены поясные портреты английской царствующей четы с надписью поверх голов «Albert & Victoria», по краю изделия нанесены буквы латинского алфавита. Жестяное блюдо с портретами Альберта и Виктории было обнаружено под полом разрушенного временем священного амбарчика недалеко от пос. Нимвожгорт.

В составе атрибутов домашнего святилища манси Овезовых в пос. Хурumpaуль хранились два блюда: одно – посеребренное, с фигурой оленя в центре и сценой охоты по краю, другое – серебряное, с изображением оленя [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 157, 159]. Аналогичное блюдо лежало в священном амбарчике *Мис-нэ* – «Лесной женщины» в этом же поселке [Гемуев, 1990, с. 66]. Внушительное приношение домашнему божеству в пос. Хошлог, завернутое в шелковую ткань, включало тяжелую медную статуэтку лошади (изделие русских мастеров XIX в.) с колокольчиком на шее, московское серебряное блюдо с изображением скачущего оленя и монеты 1840–1890 гг. Серебряные блюда со сценой охоты по краю были обнаружены на задней полке священного амбарчика недалеко от бывшего пос. Нижнее Нильдино и в священном сундуке в пос. Юхан-курт.

Медные луженые блюда со сценой охоты на оленя находились в святилище *Чохрынь-ойки* – «Стрекозы-старика» на р. Тапсуй [Гемуев, Бауло, 1999, с. 57], священных амбарчиках в пос. Ханты-Мужи (2 экз.), святилище в бассейне р. Полуй. Блюда с фигурой оленя поступило в Березовский краеведческий музей в составе культовых атрибутов хантов из пос. Тутлейм.

Атрибут медвежьего праздника. Нос убитого медведя во время медвежьего праздника закрывался кружком бересты или круглой металлической пластинкой. По словам информатора А.Д. Хозумова, с этой же целью использовали блюда, в которых пробивали

дырки для привязывания. В рапорте священника И. Голошубина от 6 июля 1891 г. описан обряд при добыче медведя: «Содранную с него шкуру кладут на стол в переднем углу, расправляют у него ноги и голову; на каждый из когтей надевают столько колец, сколько их может поместиться; к носу медведя прикрепляют серебряную тарелку...» [Из истории..., 2004, с. 181].

* * *

Ряд блюдец, относящихся к атрибутам обских угров, находится в музеях России. Это серебряные блюда с изображениями оленя и всадника (ТГИАМЗ); по два изделия с фигурой медведя и со сценой охоты (ЯНОМВК им. Шемановского); два серебряных блюда с изображениями охотника и оленя, медведя (музей пос. Саранпауль Березовского р-на ХМАО). В четырех из этих экспонатов пробито по отверстию, что говорит об их бытовании в обрядовой сфере манси и хантов. Пять блюдец из сборов В.С. Адрианова у хантов в 1936 г. хранятся в МАЭ РАН [Прыткова, 1949, с. 39].

Из других случаев использования можно упомянуть медное блюдо со сценой охоты в составе подвесок на женском швейном мешке (пос. Ишвары, ханты Тогочевы). Еще одно изделие известно в материалах раскопок Д. Яновича на могильнике Халас-Пугор в 1909 г. [Мурашко, Кренке, 2001, с. 46].

Д.Н. Анучиным опубликованы сведения о покупке обскими уграми и использовании в ритуальной практике русской церковной посуды – медных или серебряных тарелочек для просфор (см.: [Прыткова, 1949, с. 43]). В домашних святилищах манси на Северной Сосьве и Ляпине, а также у хантов в пос. Зеленый Яр были неоднократно зафиксированы подобные тарелочки, выполненные из латуни или белой жести.

Русские блюда в обрядах обских угров: истoki традиции

Вхождение металлических русских блюдец в обрядовую сферу обских угров осуществлялось в рамках известного феномена – активного многовекового использования вогулами и остяками в сакральных целях иноэтничных атрибутов: иранских, среднеазиатских, болгарских, прикамских серебряных чаш (см., напр.: [Чернецов, 1947; Бауло, 1999; и др.]. По мнению Н.Ф. Прытковой, русские блюда стали звеном, связавшим позднюю культовую посуду у угрских народов с античными и восточными серебряными изделиями, попадавшими к предкам угров на протяжении I тыс. н.э. [1949, с. 46]. В последнее время в научный оборот вошли и средневековые круглые серебряные бляхи X–XIII вв. с изображением всадника, совпадающие по размерам с русскими блюдами (рис. 2).

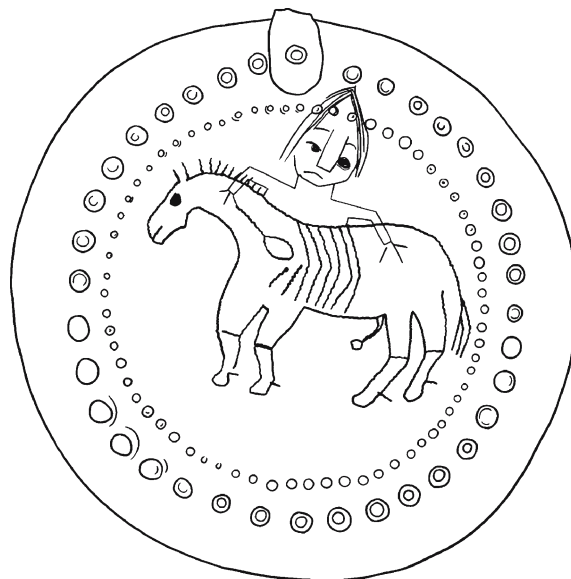


Рис. 2. Средневековая серебряная бляха с изображением всадника. Диаметр 11,5 см.

Обращает на себя внимание общность сюжетов на иранских (булгарских) чашах и русских изделиях. По-прежнему популярны сцены охоты и фигуры всадников (вместо шаха изображали Св. Георгия либо конного воина). Востребованы «тарелки» с портретами царей (иранских властителей сменяют английские монархи). Из деталей второго плана отмечу сохранение на русских блюдах традиционного для сасанидской торевтики изображения животных на фоне горного пейзажа. Этим совпадениям можно предложить два объяснения. С одной стороны, русские ремесленники в Тобольске, Березове, Обдорске, видимо, были знакомы с образцами восточной торевтики, появившимися в голодные годы XVIII–XIX вв. на рынках региона, и могли заимствовать некоторые темы. С другой стороны, при условии работы многих мастерских на заказ от инородцев, он (заказ) в значительной мере мог определяться желанием обских угров увидеть копии древней священной посуды, находящейся на святилищах, с повторением основных сюжетных линий. По крайней мере, налицо сохранение круглой формы культовой утвари при уменьшении размеров изделий.

Русские блюда вошли и в ряд традиционных религиозных церемоний: во время призвания *Мир-сусне-хума* в шаманском камлании у задней стены дома в XIX–XX вв. ставили четыре серебряных блюда. По сведениям В.Н. Чернецова, у некоторых крупных родов (в Калтась-сянь-пауле – месте обитания богини *Калтась* и Троицких юртах – крупнейшем месте почитания *Мир-сусне-хума*) для этого использовали серебряные блюда и тарелки [1947, с. 121]. Возможно, они, в свою очередь, заменили большие медные

котлы: в одном из сказаний северных вогулов на пол избы через крышу спустился *Мир-сусне-хум* на белом коне, «в четыре котла конь опустил свои четыре ноги» [Kannisto, 1958, s. 143–144]; по преданию казымских хантов, когда конь Небесного всадника стал спускаться на землю, народ подхватил четыре золотых котла, поставил их в четырех местах [Земля..., 2003, с. 87].

Характеристика и атрибуция блюдец, найденных на севере Сибири

На сегодняшний день в научный оборот введено ок. 60 блюдец [Бауло, 2009]. Они в основном представляют собой маленькие тарелочки с выпуклым днищем. Изделия вырезались из серебряных и медных пластин; большая часть изображений выполнена чеканкой, меньшая – гравировкой. Из серебра выполнено 24 блюда, из олова – 2, из жести – 10, остальные – из меди. При изготовлении блюда лудили или покрывали тонким слоем серебра. Подавляющая часть изделий выполнена русскими мастерами; некоторые имеют иностранные клейма; происхождение жестяных блюдец с портретами правителей Британии определить сложно.

Наиболее распространенный сюжет – сцена охоты человека на оленя (46 экз.). Значительно меньше блюдец с одной фигурой оленя (7 экз.), медведя (4 экз.), лошади (2 экз., одинаковые), с изображением всадников (5 экз.). На шести блюдах имеются портреты представителей царствующей династии, на одном – писателя А. Мицкевича. Остальные сюжеты представлены в единичных экземплярах.

Важной задачей исследования является атрибуция блюдец. Имеющиеся на многих серебряных изделиях «именники» пробиреров, мастеров-изготовителей и клейма с гербами Сибири, Москвы и Tobольска позволяют достаточно точно определить время и место их производства. Более сложная ситуация с атрибуцией медных изделий, поскольку клейм они не имеют; лишь на ряде предметов прочеканен год изготовления.

Серебряные блюда, обнаруженные в культовых комплексах манси и хантов, разделены на две группы: официально выпущенные изделия с полным набором клейм и предметы только с клеймом мастера (т.е. не предъявлявшиеся пробиреру). Первую составляют блюда, произведенные в Tobольске (16 экз.) и Москве (7 экз.). О tobольских мастерских информации немного. В частности, известно, что после 1711 г. в Tobольск были присланы пленные шведы. Некоторые офицеры занимались серебряным производством. Один из них, в молодости обучавшийся этому ремеслу, устроил большую мастерскую, издержки на которую принял губернатор Гагарин.

В ней делались серебряные сервизы и другие драгоценные вещи. Некоторые пленные со временем тоже устроили мастерские [Сибирский листок, 2003, с. 43]. В 1765 г. в Tobольске работало 13 серебряников. Серебро китайского и бухарского привоза местные мастера покупали на Ирбитской ярмарке. В конце 1770-х гг. от бухарцев в Tobольскую губернию поступало ежегодно 50–100 пудов серебра. На серебряных с чернью предметах, сделанных в 1770-х гг. в Tobольске, были и местные сюжеты: охотник на лыжах, всадник, преследующий оленя, и др.; в фондах ГИМ находится серебряный молочник 1778 г. с изображением человека, охотящегося с собакой на пушного зверя [Постникова-Лосева, Платонова, Ульянова, 1983, с. 54, 106, 107]. Более подробно с серебряным ремеслом Tobольска можно познакомиться в статье Н.В. Сухоруковой [1993].

К tobольским изделиям с официальными клеймами относятся шесть блюдец, изготовленных в 1795, 1797, 1820, 1829, 1843 или 1847 гг. (рис. 3). Самое раннее блюдо московского производства (рис. 4), обнаруженное в составе культовых атрибутов обских угров, датировано 1830 г., самое позднее – 1891 г.; три изделия с изображением оленя и сценой охоты выполнены в одной мастерской в один год; блюда с фигурой лошади являются двойниками.

Вторая группа серебряных блюдец включает изделия только с клеймом мастера П.Т. Брюханова, который работал в Tobольске в конце XVIII – первой четверти XIX в. Скорее всего, это клеймо владельца мастерских, т.к. блюда отличаются друг от друга по манере исполнения и качеству. Поскольку спрос на его продукцию среди инородцев был большим, Брюханов, видимо, не гнушался изготовлением изделий из низкопробного серебра. Это снижало себестоимость продукции, но не позволяло предъявлять ее пробиреру. Известно семь блюдец с клеймом Брюханова (у трех клейма частично сбиты).

Самая массовая группа изделий – медные блюда. Большая их часть изготавливалась «под серебро» – лужением или серебрением поверхности (рис. 5, а–в). По сведениям С. Мельникова, в середине XIX в. за медную луженую тарелочку, приобретенную в Березове, манси отдавали 100 белок, стоивших 6 р. 50 к. серебром [1852, с. 29]. Подобные «тарелочки» являлись достоянием зажиточных людей и привозились рыбопромышленниками «сверху» по заказу хантов и манси. В 1824 г. русскими купцами были привезены на Обдорскую ярмарку серебряные «небольшие кружочки с изображением человека или зверя (сии наиболее употребляются для украшения кумиров)» [Прыткова, 1949, с. 42–44; Мурашко, Кренке, 2001, с. 24].

Место производства медных блюдец достоверно не установлено. По стилистике изображений и сюже-



Рис. 3. Тобольские серебряные блюда.

а – со сценой охоты. 1795 г. Диаметр 11,8 см; б – с изображением медведя. 1820 г. Диаметр 10,4 см; в – с фигурой скачущего оленя. 1822 г. Диаметр 10,0 см; г – с изображением конного воина. Первая четверть XIX в. Диаметр 11,8 см.



Рис. 4. Московские серебряные блюда.

а – со сценой охоты. 1830 г. Диаметр 12 см; б – с изображением скачущей лошади. 1884 г. Диаметр 10 см.



Рис. 5. Медные и жестяные блюдца ремесленных центров севера Западной Сибири.
а – с изображением Св. Георгия и сценой охоты. 1830-е гг. Диаметр 9,2 см; *б* – с изображением оленя и пушных зверей. Первая четверть XIX в. Диаметр 9,4 см; *в* – со сценой охоты. 1830-е гг. Диаметр 12 см; *з* – с сюжетом «Мальчики на охоте». Рубеж XIX–XX вв. Диаметр 10,4 см.

там в большинстве случаев они похожи на изделия, сделанные в Тобольске или небольших ремесленных центрах севера Западной Сибири (Обдорске, Березове и др.). Судя по выбитым на ряде блюдец датам, они изготовлены в 1830–1834 гг. Достаточно узкий период производства медных изделий, возможно, говорит об едином ремесленном центре.

Упомяну также оловянные (без изображений) и жестяные блюдца. Среди последних встречаются раскрашенные экземпляры с жанровыми сценами (рис. 5, *з*), растительным или геометрическим орнаментом.

Иностранные блюдца в обрядовой практике обских угров использовались наравне с русскими образцами. Блюдца с портретами Оскара и Жозефины, Виктории и Альберта, по мнению О. Финша, «европейского происхождения» и «по-видимому, служили

в Англии детскими игрушками» [Финш, Брэм, 1882, с. 436–437]. В XX в. было обнаружено сразу несколько «тарелок» с портретами Виктории и Альберта. К этому же циклу «тарелок с азбукой» относится блюдце из коллекции Т. Лехтисало, собранной у самоедов (1911–1914 гг., хранится в Музее культур в Хельсинки, VK 4899:113)*. В его центре изображен воробей, по кругу надпись: «The Sparrow with my bow and arrow, who killed cock Robin» – «Воробей со своим луком и стрелами, который убил петуха Робина» (строчка из известного стихотворения, впервые опубликованного в середине XVIII в. в Англии в сборнике «Сказки матушки Гусыни»).

*Выражаю признательность И. Лехтинен (Музей культур, Хельсинки, Финляндия) за указание на данное блюдце.



Рис. 6. «Европейские» жестяные блюдца (диаметр 16 см) с портретами английской королевской четы Альберта и Виктории (а) и изображением воробья с луком и стрелами (б).

Относительно «европейского» происхождения «тарелок с азбукой» существует сомнение: возможно, это жестяные копии, выполненные в России с английских образцов; их можно датировать концом XIX в. (рис. 6).

Выводы

С момента вхождения в состав Российского государства вогулы и остяки были включены в сферу активных торговых отношений с русскими людьми. Разобравшись в запросах сибиряков на металлические изделия (блюда, чаши, статуэтки, фигурки, блюдца, бляхи и т.п.), русские ремесленники и торговцы продолжили традицию поставок серебряной и медной утвари на север Сибири. Скорее всего, мастера ориентировались на хорошо известные им более ранние образцы Ирана, Средней Азии, Волжской Булгарии. Большие литые серебряные иранские или болгарские блюда сменились штампованными тарелками, серебряными и медными блюдцами с изображениями царствующих особ, всадников, животных и охотничьих сцен. Сохранение традиции, таким образом, во многом определялось заказом со стороны вогулов и остяков.

В 1760–1820-х гг. для удовлетворения специфических нужд остяков и вогулов активно работали мастерские серебряников Тобольска. В 1830 г. одна из московских мастерских выпустила серию серебряных блюдец со сценой охоты на оленя. В 1830-х гг. в Москве или Тобольске (последнее кажется более вероятным) изготавливались медные (луженые и посеребрённые) копии этих изделий разных размеров. В 1830–1834 гг. в Западной Сибири неизвестная мас-

терская выпускала медные блюдца невысокого качества. Отмечен всплеск работы тобольской школы серебряников в 1840-х гг. В 1860–1890-х гг. наблюдается вторая волна московских серебряных изделий на северный рынок. На рубеже XIX–XX вв. в Сибири выпускаются жестяные раскрашенные тарелочки.

Русские серебряные изделия поддерживали уже созданные образы, традиции, систему функционирования металлического атрибута в религиозно-обрядовом комплексе, его центральную роль в ритуале. Они вошли в состав семейных культовых атрибутов: приобретаемые вогулами и остяками небольшие предметы утвари преподносились в дар собственным духам-покровителям, служили основой для создания их фигур. Наиболее важной оставалась подчас металлическая, воспринимаемая как священная, суть этих предметов.

Список литературы

- Бауло А.В. К вопросу о влиянии древних культур Востока на религиозно-мифологические представления обских угров // Народы российского Севера и Сибири: Сиб. этногр. сб. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 1999. – Вып. 9. – С. 300–315.
- Бауло А.В. «Тобольское серебро» в обрядах вогулов и остяков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 176 с.
- Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. – М.: [Тип. Лазаревых], 1833. – 262 с.
- Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 240 с.

- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.** Религия народа манси: Культовые места XIX – начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – 190 с.
- Гондатти Н.Л.** Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири. – М.: [Тип. Потапова], 1888. – 91 с.
- Григоровский Н.П.** Описание Васюганской тундры // Зап. Зап.-Сиб. отд. Рус. геогр. об-ва. – Омск, 1884. – Кн. 6. – С. 1–70.
- Земля кошачьего локотка** / пер., сост. и примеч. Т. Молданова. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2003. – 230 с.
- «**И здесь** появляется заря христианства...» (Обдорская миссия 30–80-е гг. XIX в.): Источники / сост., вступ. ст. и коммент. В.Я. Темплинга. – Тюмень: Мандр и Ка, 2003. – 328 с.
- Иванов С.В.** Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. – Л.: Наука, 1970. – 296 с.
- Из истории** Обдорской миссии: Источники / сост., вступ. ст., коммент. В.Я. Темплинга. – Тюмень: Мандр и Ка, 2004. – 288 с.
- Источники** по этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1987. – 280 с.
- Карьялайнен К.Ф.** Религия югорских народов / пер. с нем. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. – Т. 2. – 282 с.
- Кушелевский Ю.И.** Северный полюс и земля Ямал. – СПб.: [Тип. М-ва внутр. дел], 1868. – 156 с.
- Мельников С.Е.** Сведения о мансах, кочующих в Березовском уезде // Вестн. РГО. – 1852. – Т. 6, кн. 3. – С. 23–30.
- Мурашко О.А., Кренке Н.А.** Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке: По археолого-этнографическим коллекциям Музея антропологии МГУ. – М.: Наука, 2001. – 155 с.
- Носилов К.Д.** У вогулов. – СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1904. – 255 с.
- Постникова-Лосева М.М., Платонова Н.Г., Ульянова Б.Л.** Золотое и серебряное дело XV–XX вв. – М.: Наука, 1983. – 375 с.
- Прыткова Н.Ф.** Металлическая культовая посуда у угров // Сб. МАЭ. – 1949. – Т. 10. – С. 39–46.
- Сибирский листок:** 1890–1894 / сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). – Тюмень: Мандрика, 2003. – 592 с.
- Сухорукова Н.В.** Тобольское серебро XVIII в. // Конф. «Художественный музей: коллекции, культура края»: сб. ст. и тез. – Тюмень, 1993. – С. 22–26.
- Финш О., Брэм А.** Путешествие в Западную Сибирь. – М.: [Тип. М.Н. Лаврова и Ко], 1882. – 540 с.
- Чернецов В.Н.** К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // ТИЭ. Н.С. – 1947. – Т. 1. – С. 113–134.
- Kannisto A.** Materialien zur Mythologie der Wogulen. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1958. – 444 S. – (MSFOu; vol. 113).
- Vahter T.** Ornamentic der Ob-ugrier. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Kirjapain Oy, 1953. – 216 S. – (Societe Finno-Ougrienne. Travaux Ethnographiques; N IX).

*Материал поступил в редколлегию 05.02.12 г.,
в окончательном варианте – 18.02.13 г.*